

На глубине бытия

Книга Григория Померанца «Записки гадкого утенка» это не только мемуарная проза. Это род духовной автобиографии. Это попытка осмысления пережитого, как на душевном, так и на духовном уровнях без намерения четко разделить их, но и с явным указанием на то, что уровни эти тяготеют к разным полюсам жизни.

Мир Божий гибок и текуч, и он продолжает твориться. Нет таких слов, которыми можно было бы выразить окончательно сокровенную тайну мира, и нет такого языка, на котором можно было бы с последней точностью описать Того, Кто стоит за этой тайной. Но есть глубина, на которой тайна открывается нам, причем открывается не сразу. Об этой глубине и на этой глубине говорят пророки. Через них мы узнаем, и будем узнавать что-то новое о нашем сердце, которому нет предела. Границу имеет только внешняя оболочка человека, связанная с принадлежностью к той или иной социальной общности, национальности, к тому или иному вероисповеданию. Сердцевина же нашего существа распахнута в беспредельность.

Образ гадкого утенка, пасынка империи, тщательно разработанный автором «Записок», позволяет взглянуть на XX век, да и на времена нынешние, глазами всесторонне образованной, деятельной, независимо мыслящей и чувствующей личности. Эта личность размышляет о самой себе не в категориях монолита. Она не бравирует своей причастностью к мощному политическому, общественному или духовному движению, с которым ассоциирует себя большинство. Она размышляет о себе в категориях творения Божьего, что и делает эту личность неотъемлемой частью некоего творческого меньшинства. Но бремя отщепенства и странничества не гнетет ее, а помогает выстоять. Нельзя это бремя предавать, нужно вырасти в его полную меру, чтобы остаться человеком

тогда, когда люди монолита, засучив рукава, выкорчевывают все несговорчивое. «Одна пара глаз, раскрывающихся на глубокое, важнее тысячной толпы»¹, - не устает повторять Померанц.

Тема «лишних людей», без которой русскую классическую литературу представить уже невозможно, идет параллельно линии прочерченной в культуре и в истории гадкими утятами. Гадкий утенок это ведь еще и собирательный образ группы людей, пробивающейся, как трава сквозь асфальт, в любую эпоху. Гадкие утята в отличие от «лишних людей» не могут себе позволить такой роскоши, как капитуляция. Мол, государственная машина слишком груба и примитивна, чтобы оценить все наши достоинства, а потому мы, лишние люди, отказываемся метать бисер перед свиньями. Сдаться без боя означает для гадких утят струсить, спасовать перед людьми «необходимыми». И утята рвутся в бой, лезут на рожон. Христианские добродетели гораздо чаще, чем принято думать, замешаны на личной отваге. Трусость, выданная за смирение, такой же самообман, как бездейственность души, рядящаяся в демонические одежды отверженности. Гадкий утенок, не победивший в себе труса и мечтателя-пустоцвета, тут же превращается в самодовольную домашнюю птицу, которая полагает, что она и есть хозяйка жизни. Только когда трус и мечтатель повержены, можно сделать шаг, а то и два шага назад, отведя себе место некоего второго, то есть, умалив свою персону, и тем самым до конца открыв Богу свое сердце. Образ «второго» гораздо больше говорит о феномене гадкого утенка, чем социально-психологический тип именуемый «лишним человеком». И потом «лишние люди» редко поражены в социальных правах, чего не скажешь о гадком утенке, но это уже особый разговор, особая тема, которую автор так же бесстрашно поднимает, как и все остальные темы, сколь бы публичными или интимными они ни были.

Читателя исповеди, а «Записки гадкого утенка» более всего тяготееют к исповедальному слову, не может оставить равнодушным полемический накал в прояснении таких реалий, как народ. Автор «Записок» не только

ученый с мировым именем, он – фронтовик, активный участник политической оппозиции, по которому, как и по миллионам его соотечественников, прошелся каток сталинских репрессий. Отсюда и вызов Григория Померанца всем тем, кто старается «выпихнуть» из истории гадких утят. «Я интеллигент и народ не со мной. Я еврей и на мне несмываемая вина»². Именно так считают «необходимые» государственные люди. Как же разгадывается русской историей XX века загадка «безродного космополита», «беспочвенного интеллигента» на фоне темы диаспоры вообще, и еврейской диаспоры в частности? И существует ли такая загадка? Полагаю, что существует.

Мне чрезвычайно близок образ гадкого утенка, как этнического и социально-культурного чужака, пускающего корни в небо. Он мне понятнее русского эмигранта-сиониста, достигшего Земли обетованной, или отечественного почвенника солженицынского типа. Кризис национальной самоидентификации возник уже на заре новой эры. Будучи Сыном Давидовым, Христос отказывается быть только иудеем. Он пришел ко всем.

Гадкий утенок, пускающий корни в небо, это все тот же прорыв к свободе, которой как бы не отведено места на земле. Вот откуда эпитеты «беспочвенный» и «безродный».

Размышляя о Солженицыне, Померанц пишет: «Ему нужен был миф о народе, в котором таится некая вечная духовная сила, потерянная интеллигенцией»³. И тут же признается в своей захваченности историей в 60-годы: «и вот я создал миф об интеллигенции, способной обновить общество, поставив в центре свою творческую жизнь, и от этой жизни все может и должно преобразиться...»⁴ Трудно сказать, насколько жизнеспособны оказались эти мифы, это не так уж и важно. Важно то, что первый миф был готовым ответом, а второй – мучительно формулируемым вопросом...

На философско-поэтическом семинаре Померанца и Миркиной, который проходил в ноябре 2010 года, Зинаида Александровна, прочитала

стихотворение, посвященное Второму Лицу Троицы. Я размышлял над стихом и над ее словами тогда, продолжаю размышлять и сейчас: узнаем ли мы Христа, если Он придет сегодня? И продолжаю думать над словами Григория Соломоновича, который, отвечая на вопрос о том, существуют ли сегодня такие реалии, как народ и интеллигенция, уточнил значение слова «интеллигенция». Он вел разговор об интеллигенции как о творческом меньшинстве. Удивительно, как близки друг другу затронутые темы и поставленные вопросы.

Мне кажется, что Христос не может явиться народу, хотя у художника Иванова и существует живописное полотно с подобным названием. Христос не может явиться и творческому меньшинству, как назвал сегодняшнюю интеллигенцию Григорий Соломонович. Христос не может явиться даже отдельно взятой личности, хотя, казалось бы, Он приходит именно к личности. Христос может явиться только нашему внутреннему человеку, внутреннейшему человеку, потому что Христос никогда не переставал быть нашим внутренним человеком. И узнаем мы Христа сегодня или нет, зависит только от того, позволим ли мы быть нашему внутреннему человеку. Наш внутренний человек это то, что прочнее любых отвлеченных идей или кровных уз связывает нас друг с другом, не дает нам затеряться в самих себе ни как в народе, ни как в творческом меньшинстве, ни как в личности. Только в этом случае, то есть если мы не отвернемся от тайны внутреннего человека, можно избежать пропасти между народом и творческим меньшинством, между творческим меньшинством и личностью, между личностью и личностью, ведь именно между двумя людьми, порою самыми близкими, разверзается пропасть. Пропасть разверзается тогда, когда людей уже не связывает бездна. Бездна нашего внутреннего человека. «Неужели идти по водам, внутрь, в бездонность своей души?» - вопрошает Зинаида Миркина, одновременно отвечая. Да, только в бездонности нашей души мы встречаемся с Христом и узнаем Его сердцем. И разве не в этой мистической связи людей друг с другом состоит тайна и чудо Божественного

Триединства? «Мы не делимы друг от друга, как ветки одного дерева, - вот евангельская реальность»⁵, - говорит Миркина. И разве тайна подлинно личностного бытия может обойти стороной тайну соседней жизни, тайну бьющегося рядом с тобой и, как будто бы даже в тебе самом, сердца. Наиболее полно эта тайна воплощена в образе Христа, который отдает жизнь за бьющееся рядом наше сердце.

«Записки гадкого утенка» - это еще и роман о жизни. О жизни долгой, прожитой без прицела быть описанной, и все-таки удивительно полно и ярко описанной. Каждой страницей автор задает нам вопрос: заботимся ли мы о чистоте и глубине своих впечатлений и воспоминаний? Охвачены ли они светом или погружены в серый липкий туман жизни? От того, как мы поступаем с запечатленными в нашей душе образами, зависит наше отношение к женщине, к ребенку, к Богу. Впечатления и воспоминания - это тот колодец, из которого мы черпаем самих себя. Впечатления, если они глубоки, разгоняют туман смерти.

Кажется, что когда у автора исповеди заканчиваются слова, начинает звучать его душа, и звучит она в стихах Зинаиды Александровны Миркиной, того человека, которому он обязан своим рождением в слове. «Главные сдвиги еще должны были случиться в жизни. Я чувствовал, что Зина, как саламандра, умеет жить в огне. Я не умел. Я только любил огонь и тянулся к нему. Когда мы сблизилась, я сказал: ты нашла себя в том, как пишешь, а я только в том, как живу, как люблю»⁶. Однако вскоре произошел и прорыв к слову. Ничто не может сравниться с опытом открывания личности бесконечно тебе близкого и дорогого человека. Когда ты разглядел в нем пламя его божественной природы, начинаешь гореть и сам. Не требуется искать дров для такого костра. Горит все, к чему прикасается твой дух.

Вот, что мне кажется очень важным и о чем следует сказать со всей определенностью. Не только рай не может быть водворен насильственно, многие социальные проектировщики сломали себе на этом зубы, но и ад не может быть водворен насильственно. Даже ад? Да, даже ад. Выбор ада – это

акт свободной воли. Только она, наша полная добра воля и может отнять у нас свободу, а больше никто. Ад - это добровольный отказ от свободы и Бога. И не стоит аду приписывать ничего лишнего. Не нужно сластить ад ужасами, к которым наша душа и ее добрая воля непричастны.

Зинаида Миркина написала:

И все. И больше ничего.

А может, большего не надо?

Довольно сердца моего,

Чтобы разрушить планы ада...

Григорий Померанц и Зинаида Миркина подбираются к одной и той же глубине с разных сторон. Путь, прочерченный словом каждого из них, жизнью каждого из них, особый путь, неповторимый, но в тоже время их слова и их жизни настолько перекликаются, что возникает поразительное ощущение искомой красоты человеческих отношений. На это способны только люди, разорвавшие путы «крови и почвы», люди, прошедшие через второе, то есть духовное рождение, заново друг для друга и друг в друге родившиеся. Возможным это стало благодаря чуду – Зинаида Александровна чудом поднырнула под свою болезнь, удержала душу на высоте призвания. Григорий Соломонович чудом уцелел в годы Большого террора, прошел войну, лагерь, пережил личный апокалипсис – уход из жизни Ирины Муравьевой - своей первой большой любви. Но нет ничего возможнее чуда, когда ты устремляешься к истоку своей личности, когда ты выбираешь ту часть самого себя, которой нет износа и смерти. «Наглядевшись в глаза заката, Зина вдруг резко поворачивается и молча требует, чтобы я принял и разделил с ней это напряжение творчества, и я чувствую себя недостойным священником, получившим в руки Святые Дары»⁷. Да, наверное, именно так это и происходит – поверх слов, но не мимо глаз.

Сейчас я коснусь, быть может, одного из самых дискуссионных моментов романа-исповеди. Приведу обширную цитату из «Записок». «Один мой оппонент заметил: «Померанц живет без берегов, а я так не могу. Если я верю в воскресение Христа, то я верю в воскресение Христа, а не во что-то около этого». Как мне объяснить то, что Святой Дух всегда только *около* слов, *около* буквы? Что только сердце познает Бога, а слова *все* лгут. Что мысль изреченная, — о Боге — есть ложь (или, говоря мягче, только слабое и неточное подобие)? И привязываться к этой лжи, как к истине, к метафорам, за которыми непостижимая и не тождественная никакому слову реальность, — значит изменять глубине?»⁸

Берега, о которых говорил оппонент Померанца, это - священная буква, но всякая буква гораздо меньше духа. Можно сказать и по-другому. Буква священна лишь тогда, когда она знает, что она только буква. Именно берега способны незаметно для нас самих превратиться в ту букву, которая заслонит собою дух. Померанц не пропагандист широких взглядов, он - певец Единого духа.

Все великие религии мира находятся в движении, и нравственные их глубины, нравится нам это или нет, перекликаются. Воистину, дух веет, где хочет. Именно этот непостижимый Единый дух, по мнению Померанца, выражен у Достоевского в «Сне смешного человека». Глубина созидает, ничего не разрушая. Ей не нужно расчищать место для самой себя, потому что во внутренних небесах человека места хватит всем. Религиозные же войны и человеконенавистнические теории возникают лишь на поверхности вселенских вероисповеданий. Поднырнуть под нетерпимость и ненависть, вывести на чистую воду своего массового человека с его узкой племенной психологией, обнаружить в этом узком человеке его же собственную глубину и есть наша задача. Отход от поверхности и тех бурь, которые терзают ее, это вовсе не отречение от своего хребта или от наказа предков. Промежуточные оценки, оценки порою жесткие, безусловно, нужны. В них ясно сказывается наше отношение к греху, как к дремучей силе, которая

разлучает человека с его собственной глубиной. Но даже в них, в этих оценках, обязательно должен быть воздух, которым дышит наша жертва-оппонент. Грех осуждается, а не грешник. «Христос был нетерпим к греху – и снисходителен к грешникам. Это смущало, сбивало с толку евреев. Большинство евреев не поняли Христа. Но большинство христиан его так же не понимают»⁹ – с горечью замечает Померанц. Словом, мы должны оберегать воздух нашего оппонента от нашего же праведного гнева. «Неистовство – даже в борьбе с дьяволом – насыщает дьявольщину нашей энергией»¹⁰. Памятны и другие слова Померанца, ставшие уже крылатыми: «Дьявол начинается с пены на губах ангела».

Рассуждая об атеизме, Антоний Сурожский замечает, что «очень многое в безбожии рождено не отрицанием Бога, Какой Он есть, а Бога, Каким мы Его представляем». И далее: «Если взять историю христианского мира, то можно отшатнуться. Мы так часто - и в нашей отечественной истории, и на Западе - представляли Бога в таком виде, что можно сказать: я не могу признать в Нем свой идеал»¹¹.

Между Богом, каков Он есть, и Богом, каким мы Его представляем, пролегает даже большая пропасть, чем между двумя отдельно взятыми людьми. И что бы узнать Бога, Каков Он есть (не станем уходить от этой формулировки), нужно, прежде всего, захотеть узнать и понять другого человека, нужно доглядеть в другом человеке Бога. Доглядеть в другом человеке Бога, в последнюю очередь, отдавая себе отчет в том, какой он национальности и вероисповедания. Необходим диалог религиозных мирозерцаний и готовность к диалогу, который не заменят манипуляции мировоззренческими штампами. Нужен разговор. Причем такой разговор, где паузы между репликами (мысль неизреченная), не менее важны, чем слова. Где секунданты не науськивают дуэлянтов друг на друга, как петухов, подливая масло в огонь страстей человеческих. Необходим такой разговор, итогом которого станет проникновенное молчание, а не победа. Вот в какое общение вслед за проповедником и богословом Александром Менем и

мыслителем Владимиром Библером с его философией диалога культур призывает нас Померанц. Вот поверх каких барьеров, порою искусственно возведенных рабами буквы, он пытается смотреть. И процесс «становления вселенского духа понимания» - таким видится ему сокровенное движение человека к человеку, а значит, и человека к Богу, не есть утопия или пустые мечтания философа. Это трудно, почти неподъемно, но осуществимо. Тост шестидесятых: «За успех нашего безнадежного дела!» не теряет своей актуальности и сегодня. Хотя наполняется каждым следующим поколением свобододолюбивых людей новым содержанием.

Нам дано почувствовать что-то, что глубже смерти и больше жизни. Нам открывается предельная глубина. Жить на этой глубине, это и значит слышать Бога. Автор «Записок» хочет донести до нас такую, вроде бы, простую истину, но одно дело прочитать о ней и забыть, и совсем другое - творчески следовать ей.

Когда мы выдаем свою культурную ограниченность за духовную просветленность, мы поневоле лукавим. Если превратить эту подмену в привычку, то можно далеко уйти от того сияния, которое поманило нас. Можно даже и вовсе потерять из виду те лучи, которые призвали к ответу все наше существо, все наши качества, в том числе и способность критически мыслить. Критике мы подвергаем не святыню, а свою поверхностную к ней причастность. Язык Будды, язык Индии мягче, терпимее, отмечает Померанц и, развивая свою мысль, показывает, что категории добра и зла, истины и лжи - дети средиземноморской логики. Не следует ли из этого, что язык Будды и язык Индии нам глубоко чужд? И что наш культурный горизонт должен ограничиться уровнем палубы, на которой мы, конечно же, чувствуем себя в большей безопасности, чем на вершине мачты? Ответ автора «Записок» на этот вопрос недвусмыслен. Те мирозерцания, которые обошла стороной религиозная революция, именуемая монотеизмом, не могут быть чужды тому, кто верит в Единого Бога. Зерна трепетного отношения к жизни не только своей, но и чужой, так

щедры рассыпаны рукой Творца, что их можно отыскать во всех концах земли. Важно лишь то, что мы хотим найти, что созвучно нашей душе – проявления жертвенности, опыт внутреннего преображения или пещерный страх перед Другим как перед чужим. А от чужого, как известно, следуя логике массового человека, ничего хорошего ждать не приходится.

Конечно, человеческие возможности и время, отпущенное нам, не безграничны. Душой прикипаешь к одному – самому важному, самому главному. И нередко это главное приобретает вполне конкретные очертания. Приходит час, и замираешь у какого-то одного окна, в котором перед внутренними очами и разворачивается бездна. Однако не стоит забывать о том, что хотя бездна и одна, да окон много. И не существует греха более страшного, чем гордыня вероисповедания. Она сродни морали подпольщиков, которая нередко оборачивается презрением к племени обывателей. Через этот соблазн проходит любой гадкий утенок (у многих людей фигура Померанца ассоциируется с диссидентским движением), и только истинный странник, мудрец, учитель, каким и стал автор «Записок гадкого утенка», сможет устоять перед этим соблазном. Гордыня – это вирус, который подхватывается замкнутым кружком, а уж кем этот кружок себя считает – тайной сектой или самой многочисленной религией в мире, не имеет большого значения.

Сбывшаяся жизнь больше, чем осуществившаяся мечта. Потому что сбывается не только то, о чем ты просишь, но и то, что предназначено тебе твоею сутью, до конца открытой только Богу. Однако жизни, как и дару свыше – можно и нужно учиться. Тот, кто не обладает силой удержать высший дар, получит что-то другое, что-то сложное и хлопотное, но только не дар.

Не знаю, есть ли во мне та же степень открытости Единому духу, что и в Григории Померанце. Есть готовность к ней, но сознание все еще цепляется за образы зримые, а точнее, за видимую сторону Непостижимого. Говорю

это, положив руку на сердце, и не пытаюсь свидетельствовать о том, к чему только приближаюсь.

Конечно, религиозный фундаментализм - крайняя форма нетерпимости, но сколько существует других форм, более цивилизованных, но не менее опасных. Ничто не дает мне права настороженно, а порою и враждебно относиться к Другому лишь на том основании, что без этой опаски и даже безгливости, я что-то важное утрачу, и как бы обману свое сердце. Нет же, не обману! Обману, если подсоблю любви ненавистью, даже не ненавистью, а рабской привязанностью к привычке самодовольно все мерить на свой аршин. Этот аршин не моя мера, мне лишь дали за него подержаться, чтобы я задарма ощутил свою собственную значимость. Аршин рассыпается в пыль пред лицом Бога.

На семинарах Померанца и Миркиной, а в зале яблоку негде упасть, с завидной регулярностью ставятся два вопроса, которые не дают нам, слушателям, покоя. Как заставить современного человека духовно прозреть? И как прорваться к самому себе? В «Записках гадкого утенка» содержатся ответы на эти простые вечные вопросы. Простые вопросы предполагают простые ответы. Если хочешь сделать людей лучше, начини с самого себя, тогда и их жизнь таинственно и почти без твоего вмешательства изменится. А прорваться к самому себе можно, только поднырнув под смерть. Причем, поднырнув не огромным коллективом пловцов, которые идут на духовный рекорд, а - в одиночку, чтобы, вынырнув, соединиться со всей жизнью, ощутив свою пронзительную связь с каждым ее дыханием. «Вечен не я, вечен присутствующий во мне Бог, вечен Океан света, на миг влившийся в щель моей плоти...».¹² Свет этот не удалось описать ни Марксу, ни Фрейдю. В Океане света тонет и царство истории, в котором XX век отвел человеку роль механизма, и царство души, понятой поверхностно. Новые времена достойные приемники отшумевшего столетия. Они получили массового человека во всей его красе, и продолжают снабжать его проверенным кормом - иллюзиями, страхами и гордыней. Противостоять этому можно только всем

собой, на потаенной беспредельной глубине самого себя, где и происходит встреча с Богом.

Духовный путь Григория Померанца и Зинаиды Миркиной - это опыт преодоления смерти. Творческое меньшинство, как называет Померанц сегодняшнюю интеллигенцию, должно хотя бы попытаться осознать, насколько этот опыт может нам пригодиться, и почерпнуть из него то, что по силам каждому из нас.

Февраль 2013 г.

¹ Померанц Г.С. Записки гадкого утенка. – М.: РОССПЭН, 2003, С.233.

² Там же: С.226.

³ Там же: С.232.

⁴ Там же: С.233.

⁵ Миркина З.А. Избранные эссе. – М.: Модерн, 2008, С.153.

⁶ Померанц Г.С. Записки гадкого утенка. – М.: РОССПЭН, 2003, С.206.

⁷ Там же: С.334-335.

⁸ Там же: С.188.

⁹ Там же: С.272.

¹⁰ Там же: С.342-343.

¹¹ Антоний, митрополит Сурожский. Человек перед Богом. – М.: Фонд «Духовное наследие митрополита Сурожского», 2010, С.58.

¹² Померанц Г.С. Записки гадкого утенка. – М.: РОССПЭН, 2003, С.441.